

26 МАЯ 1956

Москва

Газета №

ГАСТРОЛИ ЮГОСЛАВСКОГО
ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА

Глубокое проникновение

На спектакле

«Егор Булычов и другие»

...Еще не причесанная после сна, растрепанная Шурка, с ногами забравшись на стул, лениво садится завтракать. Неприязненно, косо смотрит на девушку Ксения — мачеха. Дочь Ксении, сухопарая, подтянутая Варвара, обращается к Шурке высокомерно, пренебрежительно, а та нежность, которую проявляет Варвара к мужу Звонцов по отношению к девушке, явно носит нечистый, двусмысленный характер... Сердито, ни на кого не глядя, возится у стола Глафира... И еще до того, как на сцене появляется хозяйин дома Егор Булычов, публика, переполнившая зал, вполне отчетливо ощущает тютюстную, мрачную обстановку купеческого дома.

Герои одной из выдающихся пьес М. Горького, увиденные глазами югославской режиссуры, югославских актеров, — явление уже само по себе значительное. Этим и объясняется тот большой интерес, который вызвал спектакль «Егор Булычов и другие» в постановке Маты Милошевича, привезенный в Москву Югославским драматическим театром.

Для московских зрителей, хорошо знающих и помнящих «Егора Булычова» в Театре им. Кв. Вахтангова, этот спектакль имеет особый интерес. Образ Егора Булычова, созданный в свое время Б. Щуклиным, стал

для русской сцены классическим. И вот перед нами новый Булычов — Миливойе Живанович. Рыжий, широкий, крикливо-жесткий — в чем-то он сразу кажется похожим на привычный уже для нас образ, в чем-то он — иной...

Как на русской, так и на югославской сцене именно трактовка роли Егора Булычова в первую очередь определяет успех или неудачу спектакля. И надо сразу сказать, что яркая, жизненно правдивая игра Миливойе Живановича делает постановку югославского театра очень убедительной.

Следы былой могучей силы еще видны в повадках, в лице, да и во всей фигуре Егора Булычова — Живановича... Решая образ, артист на первый план выдвигает тему бессмысленной, преждевременной, но неотвратимой человеческой гибели... Иногда кажется, что режиссура и актер слишком увлекаются обыгрыванием самого процесса болезни, жестокостью умирания героя. И, однако, в исполнении Живановича есть поистине потрясающие моменты. Вот, например, один из них. Уже позади до своего странного конца Булычов — Живанович остается на сцене совсем один. В полумраке видно, как судорожно вцепились его пальцы в одежду. С наивной и робкой верой, чуть слышно произносит он слова молитвы и вдруг резко обрывает ее, иронически усмехаясь над своей, кратковременно вспыхнувшей надеждой на помощь неба... Там же, в последней сцене, Егор со свечой в руках подходит к иконе и, осветив ее, серьезно, внимательно всматривается в смутное изображение бога. Потом с глубоким вздохом отворачивается. Бог — не помага. Правда, в пьесе

М. Горького герой — еще больше, чем от тяжелой болезни, — мучается от сознания ошибочности, ложности всей своей жизни, от понимания, что жил «не на той улице». Эта тема не становится ведущей в трактовке Живановича. Но при всем том у Булычова — Живановича привлекают его огромное мужество, неизменное нравственное достоинство, внутренний размах. И как раз в силу этого — по контрасту — такими мелкими, ничтожными и жалкими кажутся люди, живущие рядом с главным героем.

Режиссура и актеры создали интересное окружение Булычова. Свообразно решен актрисой Рахелой Ферари образ Ксении — стареющей, озлобленной, ревнивой женщины. Может быть, актриса слишком увлекается обыгрыванием самых неприглядных черт роли своей героини с ее даже впадной уродливостью, истеричностью. И может быть, именно поэтому образ приобретает некоторую однотонность.

В отличие от своей недалекой сестры Ксении изумления Меланья в исполнении Невенки Микулич — сильный и умный человек, опасный идейный противник Егора. Кажется, что всю властность, решительность, ум, которые могли бы достаться двум сестрам, — все забрала себе Меланья!.. Невенка Микулич показывает, что ее Меланья — этот мракобес в юбке — куда сильнее попа Навлина. Поп же Навлин, которого тонко и глубоко артистично играет Виктор Старич, наоборот, тих, скромный, сдержанный. Все злое, все хищное в нем скрыто под пошлой и строгой оболочкой священнослужителя. Истинную сущность образа актер приоткрывает немногими, но всегда выразительными и меткими штрихами.

Столь же убедительный, чуть гротесковый внешний рисунок роли предлагает актриса Ивица Танхофер в роли Варвары — дамы, исполненной тщеславия, занятой пустыми, малепькими делишками и при этом сохраняющей вечно озабоченный, надменный вид. Наголовало-развязан Достигаев — Йоза Рутич, глубоко

несчастна изломанная, трагичная Антонида (Ольга Спиридопович).

...Из всего пестрого и страшного окружения Егора ближе всего к нему должна стоять Глафира. В югославском спектакле артистке Босильке Боци полностью не удалось создать характер, близкий по духу Булычову. Босилька Боци хорошо показывает враждебную отчужденность Глафиры от всей семьи Егора, но в отношении к Булычову это только горячо любящая женщина. Духовная общность Глафиры с Булычовым не подчеркивается актрисой.

Кажется бы, Булычов — Живанович совсем одинок в своем доме... Откуда же та нота оптимизма, которая заметно звучит в спектакле, — нота подлинно горьковская. Она сильнее всего выражена в образе Шурки, созданном актрисой Дубравкой Перич. По всему видно, что в сердце девушки живет неукротимый, жизнеутверждающий, бунтарский дух ее отца. Кровь от крови и плоть от плоти Егора Булычова, такая же огненно-рыжая, буйноволая, с блестящими, порывистыми, угловатыми движениями. Шурка — Перич недаром кажется чужой среди ее домашних. Она так же, как Егор, живет, словно не на своей улице, не в своем доме.

Но если Егор так и гибнет здесь, то Шура увидит из душного, страшного мира достигаевых и звонцовых.

Особенно выразительна заключительная сцена, когда Шура распахивает ставни и, залитая красным светом заката, сама вся вспыхивает, загорается. Рука умирающего Егора падает и опрокидывает горящую свечу. В комнату вместе со звуками революционной песни врывается свет — яркий, животворный.

В своеобразном и интересном решении спектакля иногда видны какие-то внешние «перусские» черточки, — например костюмы действующих лиц, детали обстановки булычовского дома... Но образ рабочего Булычова, оказавшегося по-настоящему близким и дорогим югославскому театру, определяет образ спектакля в целом.

В. ГРОХОВСКАЯ,
Н. ТОЛЧЕНОВА.

На снимке: сцена из второго действия. Егор Булычов — артист Миливойе Живанович, Павлин — артист Виктор Старич.